

В.С. Христофоров

О РАБОТЕ АБВЕРА С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ФСБ РОССИИ)

Немецкая военная разведывательная и контрразведывательная организация «Абвер» была создана в 1919 г. как отдел военного министерства Германии и официально считалась контрразведывательным органом рейхсвера. В действительности с самого начала абвер вел активную разведывательную работу против Великобритании, Польши, Советского Союза, Чехословакии и других стран. В 1935 г. его возглавил адмирал Вильгельм Канарис.¹ В 1938 г. была проведена реорганизация абвера, в результате чего при штабе верховного командования вооруженных сил (ОКВ) появилось управление «Абвер-заграница». Перед ним стояла задача организовать широкую разведывательную и подрывную деятельность против стран, на которые готовилась напасть Германия, особенно против СССР.

В 1941 г., помимо разведывательно-диверсионной работы, немецкой разведке требовалось подавлять сопротивление советских граждан на временно оккупированной территории. В этих целях на территорию СССР наряду с войсками германской армии было направлено большое количество подразделений абвера, СД и Главного управления имперской безопасности (РСХА). В период Великой Отечественной войны против Советского Союза действовал мощный аппарат германской разведки и контрразведки: более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп, а также около 60 школ, готовивших разведчиков и диверсантов для заброски в тыл Красной армии. На временно оккупированной территории СССР сотрудники немецкой разведки вербовали агентов среди местного населения, вели борьбу с партизанами.

После провала блицкрига и первых поражений под Москвой руководство германских разведывательных органов пребывало в растерянности. Перед ними возникли непредвиденные трудности: война затягивалась, источники пополнения людьми постепенно исчерпывали себя. Перед руководителями гитлеровских спецслужб встал вопрос о вербовке и обучении новой надежной агентуры. В начальный период войны успех германской армии и немецкой пропаганды на советской территории превзошел все ожидания: более 3,5 млн красноармейцев попали в плен. Но среди них было мало лиц, стремившихся встать на сторону Гитлера. Об этом свидетельствуют слова Генриха Гимmlера: «Пленные, в особенности молодое поколение, беззаветно преданы большевикам. Они способны на всякую низость».

¹ Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945), немецкий военно-морской деятель, один из руководителей германской военной разведки, начальник Управления разведки и контрразведки ОКВ – абвера, адмирал.

В Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся докладные записки и справки об устройстве немецких лагерей для военнопленных, режимах в них, отношении сотрудников лагерей к пленным, методах вербовки и работе абвера в лагерях, протоколы допросов германских и советских военнопленных. Архивные материалы дают возможность достоверно воспроизвести картину военного плена и показать, как действовала германская разведка во время войны, работая с советскими военнопленными.

После ряда неудач руководство гитлеровской партии, службы разведки и пропаганды начали осуществлять план по разложению, антисоветской обработке, созданию невыносимых условий и истреблению военнопленных, созданию националистических комитетов, союзов и национальных воинских формирований типа Русской освободительной армии (РОА), Русской народной армии (РНА), туркестанского, армянского и других батальонов.

8 сентября 1941 г. вышло «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных» № 3058/41, в котором в частности говорилось: «Большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением. Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих. Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила об ограничении вооруженными силами оружия применимы лишь частично, т.к. эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению своего приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие. По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов». Даже Канарис не мог согласиться с тоном и содержанием распоряжения и полагал, что подобное отношение к военнопленным вызовет усиление сопротивления с их стороны. Однако его протест не был услышан.

Архивные документы свидетельствуют, что отношение администрации германских лагерей к советским военнопленным было невыносимое. «При захвате в плен немцы расстреливают не только коммунистов, командиров и политработников, но зачастую поголовно всех захваченных. Часты случаи, когда немцы захваченных бойцов подвергают пыткам без разбора здоровых и раненых. Как правило, военнопленных буквально морят голодом. В созданных немцами лагерях установлен режим полного бесправия, систематических издевательств и избиения пленных. За исключением тюрем, лагеря в большинстве представляют собой открытые площадки, не защищенные от ветра, дождей и снегопадов»².

Кроме того, в лагерях был установлен такой режим дня, при котором пленные работали в любую погоду по 12 и более часов: «Подъем – в 6 часов утра, после чего сразу идет построение на работу. Тут же выдают по 200 гр. хлеба и выходят на работу. Обед в 12 часов дня. На обед выдается по 1 литру жидкого мучного супа, который доставляется на место работ. Обеденный перерыв длится в течение 1 часа. Конец работы в 20 часов»³. В некоторых лагерях рабочий день длился до 22 часов.

В Шталаге-1, например, существовал следующий порядок: «Военнопленные Красной армии содержались в отдельных бараках, которые внутри лагеря дополнительно были обнесены проволокой и усиленно охранялись. Размещение военнопленных Красной армии было чрезвычайно уплотнено, в бараке, в котором могло разместиться 100 человек, размещали до 500 человек, в результате чего среди военнопленных распространялись эпидемические заболевания – тиф, дизентерия и другие болезни. Администрация лагеря к излечению больных никаких мер не принимала, а наоборот, всеми средствами способствовала распространению эпидемии, для чего умышленно размещали здоровых с больными тифом и дизентерией. Питание русских военнопленных в лагере было исключительно плохое, суточный рацион составлял 200–250 граммов хлеба суррогата и одного литра горячей жидкости, приготовленной из брюквы»⁴.

Во Владимир-Волынском лагере «от жутких антисанитарных условий содержания военнопленных, голода и заболеваний тифом, дизентерией и цингой смертность в лагере доходила до 50–60 человек в сутки. При наличии в лагере 18 000 военнопленных смертность доходила до 200 чел. в сутки. Над пленными сильно издевались немцы и отдельные лица лагерной полиции. За малейшие проступки зверски избивали палками, резиновыми шлангами со свинцовым наконечником, а зачастую в упор расстреливали»⁵.

² ЦА ФСБ России. ф. 16, оп. 312 «Е», д. 181, л. 172–173.

³ Там же, л. 156.

⁴ Там же, ф. 14, оп. 5, д. 963, л. 198.

⁵ Там же, ф. 40, оп. 15, д. 147, л. 14.

Помимо голода, унижений и избиений военнопленных расстреливали, вешали, травили. Страшная и жестокая обстановка могла сломать даже очень сильного человека. На это и рассчитывали фашисты, перед которыми в подобных условиях открывались возможности вербовки неограниченного количества агентуры.

В каждом лагере для военнопленных находился отдел абвера, который занимался агентурной работой среди военнопленных. Кроме того, действовали специальные команды экономической разведки, опрашивавшие пленных об экономическом и политическом положении Советского Союза и других стран – противников Германии⁶. В лагерях, расположенных на территории Эстонии, существовала такая структура: «Служба „Абвер” при каждом лагере для советских военнопленных состояла из офицера службы „Абвер”, который фактически являлся начальником службы „Абвер” при лагере. Начальник службы „Абвер” при лагере имел своих помощников по количеству в зависимости от величины лагеря. Кроме этого, в службе „Абвер” имелись унтер-офицеры, которые обслуживали команды содержащихся военнопленных в лагере и обслуживающий персонал»⁷.

К основным функциям, выполняемым сотрудниками абвера, относились: «1. Борьба с проникающей в лагерь агентурой воюющих против Германии стран. 2. Подбор и предварительная обработка кандидатур для отправки в школы немецкой разведки. 3. Проведение политической и экономической разведки воюющих против Германии стран путем допросов военнопленных и оперативного использования материалов отделения почтовой цензуры, функционирующего в составе отдела „Абвер” лагеря. 4. Борьба с саботажем и разложением среди военнопленных»⁸.

При поступлении пленных в лагерь проводился их предварительный опрос с целью выявления антисоветски настроенных бойцов, бывших уголовников, лиц, готовых изменить Родине и служить фашистскому режиму. Завербовать таких военнопленных не составляло труда. Кроме того, существовали и другие приемы: «В апреле 1942 года администрация лагеря в Котлах обратилась к военнопленным с объявлением, что все желающие служить в германской армии могут подать заявление об этом. При этом военнопленным было обещано, что те, кто пойдет добровольно в германскую армию, получают большие льготы и преимущества после войны, причем, эти льготы будут распространяться и на его родственников. [...] После отбора администрация лагеря выдала им усиленные пайки, по нормам, выдаваемым немецким солдатам, и водку и отправила по железной дороге якобы в Волосово. Каждая группа отправлялась отдельно в день отбора. Выдача продуктов и водки происходила демонстративно, при этом, видимо, преследовалась цель повлиять на тех

⁶ Там же, ф. 16, оп. 312 «Е», д. 181, л. 241.

⁷ Там же, д. 674, л. 5.

⁸ Там же, д. 179, л. 12.

военнопленных, которые не подали заявлений и умирают медленной смертью, получая мизерное питание при тяжелой изнурительной работе»⁹. Часть военнопленных, судя по материалам допросов, была завербована под видом направления на работу: «В январе месяце к нам в лагерь с. Проккен пришел переводчик лагеря белогвардеец Попов и в беседе со мной наедине высказал свое сожаление о моем положении пленного и пообещал устроить меня куда-нибудь на работу с той целью, чтобы я смог доставать себе кусок хлеба»¹⁰.

В первую очередь подбирались агенты из перебежчиков, лиц, давших при опросе ценные разведывательные сведения о Красной армии, подвергавшихся репрессиям со стороны советской власти. При вербовке применялись подкуп, провокация, угрозы.

Военнопленных, согласившихся работать на немецкую разведку, направляли в проверочные лагеря, где в течение 2–4 недель они подвергались усиленной профашистской обработке, проходили строевую и военную подготовку, получали представление о методах разведывательной работы и проверялись внутрилагерной агентурой.

Успешно прошедшие проверку агенты обучались в диверсионно-разведывательных школах. Опираясь на опыт разведывательных школ, существовавших до нападения на СССР в Германии, Австрии, оккупированных Варшаве, Гааге и Белграде, в первые месяцы войны абвер развернул подобные учреждения на оккупированной советской территории. Первые школы возникли в Риге, Борисове, Катюни, позже – в Харькове, Орле, Курске. Преподавательский и инструкторский состав школ формировался главным образом из числа офицеров абвера и СД. Как правило, они свободно владели русским языком, были хорошо знакомы с условиями советской жизни, поскольку находились в СССР на разведывательной работе, числясь служащими дипломатических представительств Германии. Часть персонала школ составляли агенты немецкой разведки из русских эмигрантов.

Агенты изучали методы сбора разведывательной информации, способы перехода линии фронта, структуру воинских частей Красной армии, основы топографии, проходили стрелковую, физическую и тактическую подготовку. Диверсанты овладевали знаниями о свойствах взрывчатых веществ и правила их закладки. Радисты учились работать на ключе на слух, познавали методы шифровки и дешифровки радиogramм.

В некоторых школах имела хождение памятка под названием «Размышления разведчика». Она содержала советы, о которых агент не должен забывать, отправляясь на задание: «Запомни раз и навсегда, что отныне ты воин тайного фронта, что на твоём пути будут одни трудности и преграды, которые ты должен умело и эффективно преодолеть. Забудь свое прошлое. В основе твоей жизни лежит легенда. Твоя работа требует от тебя силы воли и

⁹ Там же, д. 181, л. 75об.–76.

¹⁰ Там же, л. 14.

твёрдого характера, а поэтому, не откладывая, берись за устранение своих уязвимых сторон. Важное значение в твоём деле может иметь случай, поэтому никогда не упускай удачного случая. Возьми для себя за правило не выделяться из окружающей среды, подстраиваться под массу. Не вербуй себе в помощники неразвитых людей. Но в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться золотой человек. Никогда не назначай встречи в одном и том же месте, в одно и то же время. Если ты хочешь что-либо узнать о постороннем, говори с собеседником так, чтобы не чувствовалось твоих навязчивых вопросов. Если ты хочешь чем-то поделиться, подумай: „Я это скажу через пять минут“. По прошествии этого срока ты убедишься, что у тебя пропало желание откровенничать. Развивай свою память и наблюдательность. И научись молчать, ибо способность молчать и запоминать будет твоим первым и лучшим помощником. Если ты любишь женский пол, то никогда не влюбляйся и чаще меняй женщин. Имей в виду, что объект твоей любви может оказаться на службе в контрразведке, и тогда ты пропал».

В архивно-следственном деле в отношении Г.Р. Фика, задержанного 8 февраля 1945 г., находятся материалы его допросов как сотрудника немецкой разведки. В материалах отмечается, что «будучи зондерфюрером – переводчиком контрразведывательного отдела „1-Ц“ в лагерях военнопленных в г.г. Фишборн, Лизы и Просткен в период с августа 1941 года по январь 1942 года, Фик участвовал в допросах русских военнопленных, в процессе которых получал разведывательные данные о фабриках и заводах военного значения, которые находились на территории СССР. Кроме того, систематически допрашивал военнопленных, обвинявшихся в нарушении лагерного режима»¹¹.

В начале допросов Фик не признавал свою вину. Он отрицал, что ему что-либо известно о вербовочной работе, сотрудниках разведки, методах и агентах. Однако постепенно в ходе каждого очередного допроса выявлялась новая информация. И в итоге Фик сознался в ведении вербовочной работы и показал, что делал отдел «1-Ц», сотрудником которого он был: «Отдел „1-Ц“ занимался контрразведывательной и разведывательной работой. Работники этого отдела путем допроса военнопленных добывали данные разведывательного характера, вербовали агентуру для укомплектования школ германской разведки, а также следили за настроениями военнопленных»¹².

Кроме того, Фик рассказал и об организации агентурной работы среди военнопленных: «Подбор пленных для использования в качестве секретных осведомителей проводили лагерные переводчики. При этом исходили из расчета, чтобы на каждый барак, т.е. в среднем на 100 чел. были 1–2 осведомителя. После того как переводчик подбирал из пленных

¹¹ Там же, Р-48544, л. 3.

¹² Там же, л. 35.

осведомителей, он с ними обычно знакомил абвер-офицера, когда тот совершал обход лагеря. Если абвер-офицер давал свое согласие на использование того или иного пленного в качестве осведомителя, то последний получал уже задания от лагерного переводчика по наблюдению за другими пленными. После испытательного срока, продолжавшегося 2–4 недели, происходило окончательное утверждение того или иного пленного для использования в качестве секретного осведомителя»¹³.

Помимо этого, Фик рассказал о вербовочной работе военнопленных для немецких разведшкол: «К нам в отдел „1-Ц“ неоднократно поступали запросы из отдела „1-Ц“ при начальнике по делам военнопленных в Кенигсберге, которому были подчинены все лагеря в Восточной Пруссии, о том, что необходимо выделить определенное количество пленнх, политически благонадежных и здоровых в распоряжение указанного выше отдела „1-Ц“ в Кенигсберг. Обычно отбор в таких случаях поручался переводчикам, работавшим непосредственно в лагере, которые имели уже с этой целью подобранных ими ранее лиц из числа секретных осведомителей, а также других военнопленных, зарекомендовавших себя с положительной стороны перед немецким командованием во время пребывания в лагере. В отдельных случаях абвер-офицер сам выбирал из картотеки требуемое количество пленнх, которых затем со всеми их личными документами и учетными карточками направляли в Кенигсберг»¹⁴.

Фик Генрих Рихардович был обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР (шпионаж), и признал себя виновным. 28 августа 1945 г. Особым Совецанием при НКВД СССР он был приговорен к высшей мере наказания и 22 сентября 1945 г. расстрелян. В 2001 г. Фик был реабилитирован с формулировкой: «Переводчик зондерфюрер Фик подвергнут уголовной репрессии за шпионаж внесудебным органом лишь с учетом факта его службы в германских разведывательных органах. Вместе с тем, как официальный сотрудник германской разведки, выполнявший свои служебные обязанности, он не являлся субъектом шпионажа. Учитывая изложенное, следует прийти к выводу, что Фик подвергнут уголовной репрессии за шпионаж необоснованно, по политическим мотивам»¹⁵.

Завербованные сотрудниками абвера военнопленные выполняли различные поручения. Например, М.Б. Соскин, работавший врачом в лазарете Шталага-303 в Норвегии, по заданию абвера умерщвлял больных советских военнопленных: «Всего за период с июня 1942 года по май 1943 года, т.е. в бытность мою начальником барака смерти в «Шталаге-303» я лично умертвил путем дачи больным наркотических средств 30 советских патриотов»¹⁶.

¹³ Там же, л. 59–60.

¹⁴ Там же, л. 61.

¹⁵ Там же, л. 113.

¹⁶ Там же, ф 16, оп. 312 «Е», д. 179, л. 275.

Военнопленные, сотрудничавшие с администрацией лагерей, становились надзирателями, охранниками, выполняли другие функции. Те, кто проходил спецподготовку в разведывательных школах, получал диверсионные, разведывательные, террористические задания.

Один из военнопленных С.Ф. Смагин, завербованный германской разведкой, окончив варшавскую разведшколу, был заброшен с заданием на территорию СССР. После задержания сотрудниками НКВД СССР, на первом допросе 27 апреля 1942 г. он рассказал: «Утром 22 июня 1941 г., когда с немецкой территории начали обстрел, мы находились в лагере батальона. Командир батальона – начальник капитан Ложников – с невооруженной частью батальона начал отходить, а мне было поручено с двумя взводами прикрывать отход батальона. Когда немцы стали к нам приближаться, мы все подняли руки и сдались без боя в плен»¹⁷.

После этого пленных военнослужащих направили в лагерь в местечке Эбенради, откуда они попали в офицерский лагерь № 13«Д», находившийся в 40 км от Мюнхена. Там военнопленные неоднократно допрашивались. На одном из допросов Смагин согласился работать против советской власти. Вскоре он был зачислен в Русскую трудовую народную партию и затем направлен для обучения в Варшавскую школу разведчиков.

Это учебное учреждение было организовано в октябре 1941 г. для подготовки агентов-разведчиков и радистов. На территории школы размещались общежития офицеров штаба «Валли», мастерские по изготовлению фиктивных документов, фотолаборатория, мощная радиостанция. Одновременно в школе могли обучаться около 350 человек. Каждому завербованному агенту присваивалась кличка, и запрещалось называть настоящую фамилию. Срок обучения в Варшавской школе составлял от 2 до 6 месяцев. Чтобы приблизить агентов к обстановке, в которой им предстояло работать, т.е. к советскому тылу, в школе разрешалось при обращении друг к другу говорить «товарищ», а также разучивать и петь советские песни¹⁸.

После обучения Смагин и еще несколько подготовленных разведчиков были направлены в Псков, чтобы оттуда вылететь в тыл Красной армии и высадиться там для выполнения задания. Агентам необходимо было собирать данные о передвижении частей Красной армии, о вооружении и новых образцах оружия, о количестве и характере военной техники, о моральном состоянии бойцов и командиров, о дезертирстве. Смагин как радист должен был передавать полученные сведения немцам. Разведчики приземлились в лесу, через несколько

¹⁷ Там же, Н-16134, л. 8об.

¹⁸ Там же, ф. 66, оп. 1, д. 1506, л. 285–287.

часов прибыли в деревню Едрово Калининской области и там остановились отдохнуть. В этот же день они были арестованы.

На допросах Смагин пытался оправдать согласие на вербовку тем, что собирался в дальнейшем попасть на хорошую работу и бежать из лагеря. А поскольку у него не получилось этого сделать сразу, то намеревался, попав в тыл Красной армии, сдаться представителям советской власти. Однако сдаться ему не удалось. 25 июля 1942 г. Особым Совецанием при НКВД СССР Смагин Сергей Федорович был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. 30 июля он был расстрелян. В 2001 г. дело Смагина рассматривалось в Главной военной прокуратуре. Было признано, что за измену Родине он осужден законно и обоснованно. Смагина не реабилитировали.

К концу 1942 г. на фронте и в прифронтовой полосе функционировала достаточно эффективная система мер по розыску вражеских агентов и диверсантов. Военная контрразведка контролировала эфир, вела розыск агентуры противника, внедряла своих людей в фашистские разведшколы. Кроме того, появилось новое направление работы контрразведки – радиоигры с разведкой противника. Для этого использовались захваченные агенты, имевшие при себе портативные радиостанции. Вовлеченные в радиоигру агенты начинали работать под контролем контрразведывательных органов, систематически передавая противнику ложную информацию.

Изначальный успех вербовочной работы абвера обуславливали несколько причин. Сталинская система, коллективизация, голод, суровые приговоры судов за незначительные проступки, массовые репрессии 1937–1938 гг. побуждали людей к протестным действиям существующему строю и при нападении Германии на СССР подтолкнули определенную часть советских граждан к сотрудничеству с оккупационными властями. Абверу нетрудно было найти подход к таким лицам, склонить их к сотрудничеству и использовать в своих целях. И именно эти агенты представляли наибольшую опасность для Советского Союза, поскольку знали язык, географию страны и ненавидели существующий строй. К счастью, их число по сравнению с общим количеством военнопленных было невелико.

Кроме того, еще с конца 1940 г. в Германии началась активная работа по сбору информации в интересах проведения пропагандистских кампаний: обрабатывались материалы красноармейских газет приграничных военных округов и другая периодическая печать. К работе привлекались так называемые специалисты по России, в том числе и из состава русских, украинских, белорусских, прибалтийских эмигрантских организаций, изъявившие желание сотрудничать с немцами. Они готовили аналитические материалы для органов пропаганды, определяли слабые стороны советских военнослужащих, вскрывали проблемы

советского общества, разрабатывали рекомендации по информационно-психологическому воздействию на личный состав Красной армии и население с учетом национально-психологических особенностей, традиций и культуры. С началом Великой Отечественной войны германское Министерство пропаганды открыто заработало в полную силу.

Пропагандистские материалы, обращенные к противнику, как будто стремились ему помочь, выволить из ловушки, дать шанс избежать гибели и увечий. При этом использовались основные инстинкты и эмоции человека, попавшего в экстремальные условия: страх за свою жизнь, тревога за близких. Сообщения о лишениях родных в тылу, о бездарности командиров, о дефиците продовольствия или теплой одежды подавались сочувственным тоном. Завоевав внимание, а затем и доверие солдата на стороне противника, можно было сломить его волю к победе, побудить его к сдаче в плен.

Однако большое количество советских военнопленных не принесло особого успеха для абвера. Германская разведка переоценила степень влияния сложившихся обстоятельств на военнопленных. Несмотря на все те зверства, жестокость, издевательства и страшные условия выживания, с которыми пришлось столкнуться пленным в лагерях, большинство из них остались патриотами, не потеряли человеческого достоинства и до последнего вздоха сопротивлялись разрушительной фашистской машине. Многие предпочли умереть, нежели поверить лживым обещаниям вербовщиков о сытой счастливой жизни в обмен на службу в германской разведке.

Даже те, кто соглашались работать на немцев, чаще всего лелеяли надежду вернуться на свою территорию и не думали выполнять полученные задания. Порой они специально высказывали антисоветские взгляды, выдавали себя за кулаков, священнослужителей, приписывали несуществующие судимости, пытались таким образом привлечь к себе внимание, послушно давали согласие на вербовку и проходили специальную подготовку в немецких разведывательных школах.

Следует отметить, что как во время войны, так и в послевоенный период в отношении военнопленных и лиц, вышедших из окружения и фактически не находившихся в плену, допускались нарушения законности и ограничение их прав. Несмотря на то, что целью государственной проверки были обнаружение и наказание изменников Родины и вражеских агентов, многие бывшие советские военнопленные пострадали безвинно.

Начиная с середины 1950-х гг. в Советском Союзе стала проводиться политика по восстановлению справедливости.

После принятия в 1995 г. Указа Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» был

сделан новый шаг в этом направлении. В настоящее время устанавливаются судьбы бывших советских военнопленных, вернувшихся из неволи, подтверждаются факты пребывания советских граждан в концлагерях и на принудительных работах в Германии, что, помимо получения льгот, предусмотренных российским законодательством, позволяет решать вопросы реабилитации многих россиян, незаслуженно пострадавших после возвращения на Родину.

Понимая, что в СССР факт пребывания в плену расценивался как измена Родине, многие военнослужащие все же рассматривали вербовку в качестве шанса на побег. Ведь вырваться из лагеря было практически невозможно, работа же на разведку давала призрачную надежду на спасение. Таким образом, большее число завербованных абвером агентов, получив задание, сдавалось советским властям. В дальнейшем они участвовали в радиоиграх, помогали советским органам разведки и контрразведки. Причиной неудач и в итоге поражения абвера в Великой Отечественной войне стало то, что он не понимал или понимал плохо русский характер: патриотизм, огромная любовь к Родине и безграничная вера в победу.